

Илья Муромец с Добрыней на Соколе-корабле

По морю, морю синему,
По синему, по Хвалынскому,
Ходил-гулял Сокол-корабль
Немного-немало двенадцать лет.
На якорях Сокол-корабль не стаивал,
Ко крутым берегам не приваливал,
Желтых песков не хватывал.

Хорошо Сокол-корабль изукрашен был:
Нос, корма — по-звериному,
А бока звездены по-змеиному.
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было вставлено
Два камня, два яхонта;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо бровей было повешено
Два соболя, два бóрзые;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще вместо очей было повешено
Две куницы мамурские;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три церкви соборные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три монастыря, три почесные;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три торговища немецкие;
Да еще было на Соколе на корабле:
Еще три кабака государевы;
Да еще было на Соколе на корабле:
Три люди незнаемые,
Незнаемые, незнакомые,
Промежду собою языка не ведали.
Хозяин-от был Илья Муромец,
Илья Муромец, сын Иванов,
Его верный слуга — Добрынюшка,
Добрынюшка Никитин сын,

Пятьсот гребцов, удалых молодцов.
Как изда́лече-далече, из чиста́ поля
Зазрил, засмотрел турецкой пан,
Турецкой пан, большой Салтан,
Большой Салтан Салтанович.
Он сам говорит таково́ слово:
— Ах вы гой еси, ребята, добры молодцы.
Добры молодцы, донские казаки!
Что у вас на синем море деется?
Что чернеется, что белеется?
Чернеется Сокол-корабль,
Белеются тонки па́русы.
Вы бежите-ко, ребята, ко синю́ морю,
Вы садитесь, ребята, во легки́ струги,
Нагребайте поскорее на Сокол-корабль,
Илью Муромца в полон бери;
Добрынюшку под меч клони!

Таки слова слышал Илья Муромец,
Тако слово Добрыне выговаривал:
— Ты, Добрынюшка Никитин сын,
Скоро-борзо походи во Сокол-корабль,
Скоро-борзо выноси мой ту́гой лук,
Мой ту́гой лук в двенадцать пуд,
Калену стрелу в косу сажень!

Илья Муромец по кораблю похаживает,
Свой тугой лук натягивает,
Калену стрелу накладывает,
Ко стрелочке приговаривает:
— Полети, моя каленая стрела,
Выше лесу, выше лесу по подне́бесью,
Не пади, моя каленая стрела,
Не на́ воду, не на́ землю,
А пади, моя каленая стрела
В турецкой град, в зелен сад,
В зеленой сад, во бел шатер,
Во бел шатер, за золот стол,
За золот стол, на ременчат стул,
Самому Салтану в белу грудь,
Распори ему турецкую грудь,

Ращиби ему ретивó сердце!

Ах, тут Салтан покаялся:

— Не подай, боже, водиться с Ильей Муромцем,

Не детям нашим, не внúчатам,

Не внúчатам, не правнучатам,

Не правнучатам, не пращурятам!

(Текст взят из рукописного сборника, доставленного из б. Вологодской губ.)

Н. С. Тихонравов и В. Ф. Миллер. Русские былины старой и новой записи. М., 1894.